Интернет против Телеэкрана, 18.07.2007

Системный кризис западной цивилизации

Вторая статья цикла «Инферногенезис». Начало в статье «Истоки современной западноевропейской цивилизации», окончание в статье «Плюралистическая репрессивность».

Системный кризис

В 20 веке западная модернистская цивилизация, охватив все доступное пространство Земли, вплотную подошла к пределам собственного роста и столкнулась с перспективой даже не кризиса, а закономерного коллапса. Предколлапсное состояние охватило все сферы жизни и было неизбежным и закономерным следствием тех самых тенденций, которые и определяли развитие данной цивилизации. Рассмотрим основные проявления кризиса.

Кризис экономический. Как уже было отмечено, капитализм в силу самой логики своего развития не может устойчиво существовать без интенсивного и экстенсивного (причем, все ускоряющегося) роста, без захвата новых рынков сбыта и новых источников сырья. К началу 20 века весь мир был включен в структуру западноевропейской индустриальной капиталистической цивилизации и поделен между европейскими метрополиями, расширяться более стало некуда. Кризисы перепроизводства поразили мировую экономику, причем, чем дальше, тем более глубокими, продолжительными и разрушительными они становились. В условиях экономических кризисов капиталистический мир столкнулся с обострением классовых антагонизмов и оказался перед лицом угрозы неконтролируемого социального взрыва.
Каждая из капиталистических держав в лихорадочных попытках спастись из кризиса подошла к идее перераспределения рынков сбыта – переделу мира. После относительно мирного этапа второй половины 19 века капиталистический мир (западноевропейская \ мировая цивилизация) вступил в эпоху империализма и мировых войн. Примечательно, что помимо формальных целей и вне зависимости от итогового передела рынков, война сама по себе оказалась эффективным ресурсом потребления, позволяющим снять остроту кризиса перепроизводства. Массовое уничтожение дорогостоящих продуктов промышленного производства в ходе войны (как самой военной техники, так и разрушаемых в ходе войны объектов) в известной мере восполнило дефицит потребления, само по себе стало открытием нового рынка сбыта. К тому же идеология шовинизма дала возможность до определенной степени снять остроту классовых противоречий.

Однако развитие средств массового уничтожения к середине 20 века достигло состояния ядерного паритета, при котором начало крупномасштабной войны стало означать самоуничтожение человечества. Хотя холодная война и выполняла в определенной мере ту же функцию сверхинтенсивного потребления дорогостоящей индустриальной продукции, однако этого механизма уже стало явно не хватать.

Временный паллиатив был найден в идеологии «общества потребления», в котором избыточное потребление (по сути нацеленное на быстрое и эффективное уничтожение избыточных продуктов производства) стало своего рода общественной обязанностью, неисполнение которой наказывалось обществом (потеря социального статуса, и, даже, в некоторых случаях, работы). Главной движущей силой общества потребления становится постоянная смена моды и реклама, которая из информации о возможности удовлетворения потребностей в товарах и услугах превратилась в высокоэффективное средство массового гипноза, формирующего сами потребности через прямое воздействие на подсознание (25 кадр, нейро-лингвистическое программирование и ряд тому подобных методик воздействия на психику). Естественные потребности здорового человека ограничены, и их искусственное расширение предполагает изменение (искажение) самой природы человека, формирование противоестественных, патологических потребностей, что и становится задачей товаропроизводителей и самой системы. Наиболее яркое проявление такого рода «потребительского искажения» человеческой природы – это наркомания, представляющая естественное следствие активно и целенаправленно сформированной гедонистической установки на максимизацию удовольствия. Такого рода проблемы, связанные с разрушением человеческой психики в противоестественных для нее условиях насильственного сверхпотребления, сами по себе стали существенным компонентом цивилизационного кризиса. Но и разрешить экономический кризис по существу они не могли: никакая искусственная стимуляция потребностей уже была не в силах справиться с неизбежным кризисом перепроизводства. Ограниченные сырьевые ресурсы стремительно и невосполнимо истощались, а количество производственных отходов поставило человечество на грань экологической катастрофы.

Отметим при этом важнейший момент: сверхинтенсивная эксплуатация природных и трудовых ресурсов, по сути, ускоряющаяся гонка переработки сырья в отходы имела лишь одну реальную задачу: поддержание циркуляции и перераспределения денежных единиц, ценность которых была привязана к продуктам индустриального производства. При всей своей дикой абсурдности, этот процесс оказался абсолютно необходим для поддержания сложившейся общественной экономической системы. Однако истощение природных ресурсов обозначило уже очень близкий рубеж коллапса системы.

В этих условиях «архитекторы» Нового Мирового Порядка из Римского Клуба и родственных ему организаций заговорили о «пределах роста» и провозгласили концепции «устойчивого развития» и «нулевого роста». В рамках этих проектов была провозглашена идея всеобщего сотрудничества в масштабах человечества («новое мышление»), пересмотр базовых парадигм господствовавшей цивилизации – не

только парадигмы антагонизма социалистического и капиталистического лагерей, но и более глубинных парадигм индустриализма, сциентизма и прогресса. По сути, речь шла о коренном преобразовании цивилизационных парадигм всего Нового времени, всей мировой (по происхождению своему западноевропейской) цивилизации. Как уже показал исторический опыт, этот путь был тупиковым. Выход из кризиса был найден на совершенно иных путях, гораздо более технократических и жестких, соответствующих структуре западной цивилизации, о чем речь пойдет в следующих главах. Настоящие пути выхода из коллапса уже были намечены на тот момент, и, по-видимому, смысл «гуманистических» прожектов интеллектуалов Римского клуба имел главной задачей лишь идеологическое разоружение верхушки СССР в завершающей фазе холодной войны.

Кризис мировоззренческий. Одной из фундаментальных парадигм Нового Времени, особенно ярко проявившейся в эпоху Просвещения, была вера в человеческий разум. Человеческий разум, рассудок был в прямом смысле возведен в культ и занял на какой-то момент в общественном сознании положение религии. Рассудок воспринимался как источник истины (и даже как средство познания Истины в абсолютном смысле слова – как объективных и реальных «законов природы»), источник научно-технического, социального и экономического прогресса, всех общественных добродетелей и как достаточное средство для построения идеального общества всеобщего изобилия, счастья и абсолютной справедливости.

Вся классическая философия Нового времени так или иначе вращается вокруг одного предмета – субъекта познания, человеческих познавательных способностей. Предельный манифест этой парадигмы – картезианское «cognito ergo sum» и «я есть мыслящая вещь».

Наука становится практически монопольным источником истины, а научность – синонимом достоверности и реальности. При этом наука понимается исключительно в бэконовских методологических парадигмах воспроизводимости эксперимента и экспериментальной верификации. Любопытно при этом, что на гуманитарные науки (где в большинстве своем постановка эксперимента невозможна) распространяется логика той же естественнонаучной методологии. Гуманитария становится придатком естествознания.

Однако, уже начиная с 19 века эти цивилизационные парадигмы начинают сначала давать сбои, а затем разрушаться, а в 20 веке кризис становится очевидным. Логика кризиса самой науки уже была описана нами выше. Все большая и большая специализация, все большая детализация, все нарастающее преобладание анализа над синтезом привели в итоге к распаду целостной «научной картины мира». Фикция «законов природы» как проявление чистейшей воды «метафизики» была окончательно разоблачена в позитивизме. Наука превратилась в индустрию получения, накопления и, в лучшем случае, систематизации все возрастающего количества фактов. Раздробленные осколки «научной картины мира» потеряли статус даже приближений к «объективной истине» и стали лишь моделями для систематизации фактов. Отсутствие «метафизических» «законов природы» de facto было признано, а значит, наука потеряла свой квазирелигиозный статус и стала зависеть от категорий чисто прагматической ценности в рамках

научно-технического прогресса. Фундаментальные науки как явление начали распадаться, утрачивая как предмет, так и методологию, а главное – социальную востребованность.

Тот же переворот произошел в философии. Начиная с иррационализма Шопенгауэра, монополия разума как основного предмета философии рухнула. На смену «классической» «философии разума» на некоторое время пришла «философия воли», но очень скоро и она сошла со сцены. Если понимать под философией рациональное познание в общих и всеобщих категориях, то к середине 20 века она попросту исчезла. Всевозможные экзистенциалистские, психологистские, лингвистические, культурологические и историософские философствования уже не только не были рациональным познанием, но и не могли претендовать на всеобщность категорий. Они стали исключительно частными и притом крайне нестрогими областями знания с весьма расплывчатым предметом и методологическим аппаратом. Последней философской в подлинном смысле системой оставался марксистский диамат. Его распад привел в итоге к полному мировоззренческому вакууму. Цивилизация утратила

мировоззренческое ядро.
Наконец, эпоха мировых войн и революций положила конец социальным утопиям о «царстве разума» и просвещении как источнике добродетелей. В этих условиях стала распадаться и мифологема Прогресса. Мысль о развитии, о движении вперед или вверх предполагает неподвижную точку отсчета и систему координат, относительно которой можно определить сами понятия «вверх» и «вниз». Эпоха Нового Времени, отказавшись от идеи Бога (а по логике вещей такой неподвижной точкой отсчета может быть только Бог, или хотя бы его мистификация в форме спинозовской «субстанции» или гегелевской «абсолютной идеи»), на какое-то время смогла водрузить на Его место «законы природы», бесконечное познание которых человеческим разумом и составляет содержание и движущую силу прогресса. Но распад фикции «законов природы» привел и к распаду мифологемы прогресса. А кошмары мировых войн, неконтролируемость достижений науки и перспектива экономической и экологической катастрофы добили этот миф и в массовом сознании, чуждом философской рефлексии.
Человечество оказалось перед лицом неконтролируемости собственных деструктивных инстинктов и в отсутствии мировоззренческих ориентиров, значимых авторитетов, а главное – осознанных целей и программ развития, перед лицом внезапно возникшего на месте бесконечно восходящей лестницы прогресса цивилизационного тупика. Отражая тенденции общественного сознания, на место оптимистических утопий научной фантастики пришел или жесткий киберпанк с его мрачным прогнозом перспектив ближайшего будущего, или коммерческая штамповка дешевой фэнтази – эскапистский наркотик, позволяющий хоть на время сбежать из беспросветной реальности в мир грез.

Теперь обратим внимание на расклад мировых сил в финальной стадии холодной войны. На этот момент на арене мировой истории выступали

два субъекта (остальной мир представлял собой скорее пассивный объект их борьбы) – Советский Союз во главе Варшавского договора и США во главе НАТО. Несмотря на геополитический, идеологический и цивилизационный антагонизм, эти два субъекта представляли собой две альтернативные версии цивилизации одного и того же принципиального устройства – индустриальной технократии [1].

Обе они базировались на одних и тех же мифах материализма (в том числе «экономизма», идее примата «объективных» экономических законов над «идеологией»), сциентизма (своего рода синтез рационализма и эмпиризма), эволюции (в частности, исторического, социального и научно-технического прогресса и дарвинистической конкуренции) и исторического монизма (евроцентризма). Обе они, хотя и в разной мере, развивались как «общества потребления» [2] и вошли в тот глобальный цивилизационный кризис, структура которого описана в предыдущей главе.

Тем не менее, имели место и существенные различия. Советский Союз представлял собой скорее компромиссную модель, в которой под идеологией, терминологией и внешними структурами модернистской, «цивилизованной» (по меркам евроцентризма) и «прогрессивной» технократии скрывались глубинные структуры традиционного архаического общества [3].

С учетом того, что СССР представлял собой более традиционалистскую цивилизационную модель, прогноз противостояния выглядел следующим образом. Западная цивилизация была более эффективна и избыточна в плане материального производства. Советский Союз в рамках своей полуархаической цивилизационной системы в принципе не мог достичь сравнимого с Западом ускорения производства (хотя бы потому, что он не был «внутренне» на это ориентирован). Более того, отставание СССР в этом смысле не только сохранялось, но и закономерно росло. Для СССР было бы естественно просто отказаться от этой бессмысленной для него гонки и закрыться железным занавесом от конкуренции со стороны капиталистического мира – жить по собственным законам удовлетворения естественных потребностей (которые вовсе не являются «неуклонно возрастающими») и в режиме разумного самоограничения и относительного равновесия с вмещающим ландшафтом (экотопом). Но здесь перед Советским Союзом вставала та же самая проблема, что и перед классическими традиционными обществами в эпоху колониальной экспансии западного мира. Сохранение стратегического паритета (а его существенное нарушение могло привести к военной агрессии и поражению в ядерной войне) требовало вложения все больших и больших средств. Гонка вооружений втягивала (причем закономерно и неизбежно, независимо от каких-либо субъективных факторов) советскую цивилизацию в такое соревнование с западным миром, которое она проигрывала неизбежно в силу своего внутреннего более стабильного устройства. Тем не менее, надежда была. Сверхэффективная западная цивилизация подошла вплотную к тому коллапсу, суть которого была описана выше – к точке критического переполнения рынка, истощения дальнейших резервов его

расширения, а главное – критического истощения природных ресурсов. Вопрос стоял таким образом: сумеет ли Советская цивилизация в заведомо неравном и истощающем ее соперничестве продержаться до момента внутреннего кризиса и неизбежного самораспада западной цивилизации [4] или не выдержит напряжения и рухнет раньше, тем самым превратившись в дополнительный ресурс для Запада и отсрочив все равно неизбежный мировой коллапс, но при этом вовлекшись в него сама.

На самом деле западная цивилизация нашла выход из коллапса существенно раньше и на совершенно иных путях. Капитализм преодолел пределы собственного роста и угрозу кризиса перепроизводства за счет перехода к информационному обществу. Основная сфера производства просто сместилась из промышленной сферы в информационную, в которой пределы возможностей потребления ограничены гораздо менее жестко, а проблема ограниченности невосполнимых ресурсов вообще отсутствует.

Виртуализация

Понятие «постиндустриального» или информационного общества было введено в оборот Беллом и Тоффлером. Согласно Тоффлеру история человеческой цивилизации представляет собой последовательность трех волн, каждая из которых обусловлена революционным технологическим прорывом в сфере производства. Каждая волна определяет всю структуру цивилизации, начиная от организации производства и заканчивая восприятием пространства и времени. Первая волна – аграрная – связана с переходом от присваивающего хозяйства к производящему, а именно – к земледелию. Вторая – индустриальная, связанная с возникновением промышленного машинного производства. Третья – информационная.
В течение довольно длительного времени после возникновения настоящего промышленного производства инерция мышления поддерживала старую экономическую концепцию, согласно которой «настоящим» производством является сельское хозяйство, создающее основной экономический продукт – то есть продукт питания (потребность в котором существенно фундаментальнее потребностей в продуктах индустрии); промышленность же служит своего рода «надстройкой», основная экономическая функция которой сводится, в конечном счете, к интенсификации сельского хозяйства (более эффективные промышленные орудия сельскохозяйственного труда и т.д.). Однако развитие производительных сил в результате технологического прогресса опрокинуло эту схему. Для обеспечения потребностей всего общества в продуктах питания оказалось достаточно участия в сельскохозяйственном производстве лишь крайне незначительного процента населения (который и дальше продолжает снижаться). Остальное население для сельскохозяйственного производства оказывается избыточным и вовлекается в производство промышленное. Последнее и становится ведущей производственной сферой, в то время как сельское хозяйство из центральной сферы производства превращается в периферийную (хотя с

«физиологической» точки зрения его продукты и первичны, но их избыток делает потребность в них вполне удовлетворенной, а потому как бы и незаметной).
Аналогичный процесс произошел и при переходе к информационному обществу. Научно-технический прогресс обеспечил такой уровень производительности, который перевернул приоритеты производства. Обеспечение потребностей всего общества в промышленных продуктах стало требовать участия в их производстве все меньшей доли общих трудовых ресурсов. Напротив, производство информации из сферы обеспечения индустрии, из придатка, сводимого к повышению ее производительности, превратилось в ведущую, самодостаточную и определяющую сферу производства, в которой занята большая часть производительных сил.
Переход к информационному обществу снял наиболее фундаментальные предпосылки цивилизационного коллапса. Производство информации (прежде всего – производство наукоемких технологий и программного обеспечения, но также и «информации потребления»: литературы, кинематографии и т.п.) имеет гораздо менее ограниченные пределы возможного потребления. В частности, современная киноиндустрия позволяет практически до бесконечности повышать капиталоемкость продукции. Поскольку все более существенная часть населения вовлекается в эту сферу производства, то и перераспределение прибыли приводит к неуклонному росту платежеспособности потребителя. Рынок самозамыкается сам на себя и оказывается сбалансированным.
Мы уже отмечали выше, что и при классическом капитализме деньги по сути своей представляют собой виртуальную ценность. Лишь их искусственная привязка к натуральным ценностям обуславливает потребность постоянного повышения интенсивности потребления, что в финальной фазе капитализма приводит к абсурдной ситуации фактически сознательного уничтожения промышленной продукции и поиску путей «рационализации» этого уничтожения (война, смена моды и т.д.). Информационное общество разорвало связь между виртуальным капиталом (извлечением дохода) и реальной экономикой (обеспечивающей реальные потребности). «*Сфера спекулятивных оборотных капиталов уже настолько автономна, что сами ее конвульсии не оставляют никаких следов*» [5].
Все те процессы, которые на завершающем этапе модерна выступали проявлением надвигающегося коллапса, сохранились и даже интенсифицировались, однако неминуемость катастрофы была снята. Вся та активность ради самой активности, которая была неизбежно присуща западной цивилизации, и бессмысленность которой вела к коллапсу, была выведена за рамки реального физического жизнеобеспечения в виртуальное пространство социальной игры. Важно при этом то, что выход за рамки реальности, «выведение на орбиту» по меткому выражению Жана Бодрийяра, прекратил или, по крайней мере, многократно снизил интенсивность разрушения физической среды обитания. Бесконечная интенсификация информационного производства уже не требует интенсивной переработки сырья в отходы, не истощает запасы невосполнимых природных ресурсов и не грозит экологической катастрофой. Истощение природных ресурсов, хотя и продолжается, но связано уже

не с базовыми императивами цивилизации, а с рудиментарными рефлексами ушедшей эпохи («второй волны»), а, следовательно, если и представляет угрозу, то только угрозу кризиса, а не коллапса. Человечество оказалось в ситуации, когда все основные проявления его активности перешли в виртуальное пространство – пространство социальной игры.

Виртуализуется экономика: оборот спекулятивного виртуального капитала в десятки раз превышает объем реального товарообмена, а мировые денежные единицы, давно уже не привязанные к золотому запасу, обеспечиваются реальными вещественными товарами и услугами лишь на сотые доли своего номинала. Экономика превращается в автономную от социальной реальности и независимую от каких-либо объективных законов игру по условным правилам. Она становится своего рода клубом (или тусовкой) замкнутого круга лиц, игры которых имеют все меньшее значение для жизни и благосостояния тех, кто в них не участвует.

Точно так же в автономный клуб, играющий по собственным правилам, замыкается и политическая элита. Гражданское общество настолько ограничило участие государства в социальной жизни, что государственные политики утратили не только власть над жизнью и смертью граждан, но даже функции управления и менеджмента. Политики стали практически чисто представительными фигурами, а сфера их активности все более смыкается с шоу-бизнесом, что отражается приходом в большую политику популярных артистов, певцов и т.п. Но тот же самый процесс происходит и в сфере политического андеграунда. Политические радикалы и нонконформисты смыкаются с постмодернистским искусством. Их маргинальный ультрарадикализм (единственное для них средство заявить о себе и пробиться сквозь все возрастающий поток информационных шумов) вписывает их в общую систему постмодернистского балагана. Вольно или невольно они сами принимают те правила игры и тот язык, на котором с ними вступает в диалог пресса и шоу-индустрия, утрируют собственные идеи и становятся, в соответствии с общим правилом постмодерна, амбивалентными знаковыми символами, пародирующими и отрицающими собственный смысл.

Как ни парадоксально, но политический андеграунд и политический истеблишмент оказываются практически полностью идентичны в своей социальной функции – функции круга, замкнутого исключительно на свои внутренние интересы, и представляющие для остального общества интерес исключительно в духе шоу: наравне с тусовкой поп-звезд, артистической богемы или знаменитостями спорта. Именно поэтому деятельность политиков точно так же «выводится на орбиту» и катастрофы их виртуального мира приобретают практически тот же характер, как и катастрофы фантастических картин. По мере того, как программа новостей утрачивает связь с реальностью, а фантастические блокбастеры становятся все более реалистичными, различие между ними все более стирается и исчезает [6].

В чисто виртуальной реальности существуют такие сферы как маркетинг, реклама, имиджмейкинг и т.д. Смысл этих сфер социально признанной деятельности исчерпывается социальной ролевой игрой и

практически не связан с производством. Между тем, работа рекламных и торговых агентов составляет значительную долю рынка труда.

Наука эволюционирует в том же направлении. Ускоряющаяся гонка количества открываемых фактов, экспоненциальный рост числа публикаций происходит на фоне утраты всякого интереса к смыслу и целям данной деятельности, способности к осмыслению, осознанию и синтезу получаемой информации. Практическая деятельность освободилась и автономизировалась от собственного смысла, но при этом вовсе не прекратилась и не исчезла, а, напротив, лишь интенсифицировалась [7].

Это полный аналог производства денег ради самого процесса производства денег, отмеченного нами еще для классического капитализма Нового времени. Впрочем, это вполне закономерное следствие той исходной автономизации личности от надындивидуального и сверхприродного начала, которая обусловила все модернистские тенденции и закономерно привела к отказу от самого поиска смысла, к формуле: «смысл действия – в самом действии», «смысл изменений – в самом факте изменений», «смысл накопления – в самом факте накопления».
Сложилась любопытная картина, когда собственно экспериментальная научная деятельность и осмысление роли и тенденций развития науки осуществляются разными специалистами, не пересекающимися между собой. Тем самым наука расписывается в полной утрате произвольности и телеологичности своей деятельности. Она функционирует как заведенный механизм, и максимум на что способна в плане рефлексии – это фиксировать факты собственной непроизвольной жизнедеятельности, наблюдать за собой как за неодушевленным объектом. Впрочем, это относится не только к науке, но и ко всей постмодернистской цивилизации.
В гуманитарных науках кризис выразился в противоположной на первый взгляд форме: в форме бесконечного саморефлексивного отражения науки о самой науке. Исследование логики и тенденций развития собственных представлений и концепций приобретает самодостаточность, а собственно объект науки вытесняется на периферию ее интересов и, наконец, вовсе теряется из виду. Достаточно взять современную историческую монографию, чтобы убедиться: до 70% ее объема составляет историография вопроса. Несмотря на кажущуюся противоположность этих двух тенденций, они имеют одну и ту же внутреннюю суть. Распад представлений об «объективных законах природы» и осознание произвольности научной интерпретации привели к утверждению концепции «смены научных парадигм» Куна с присущим ей критерием научной истины как «соглашения научного сообщества». А раз научная истина есть соглашение научного сообщества, то наука в целом производна от парадигм цивилизации, и все ее претензии на универсальность (хотя бы даже уже и в утверждении самых частных эмпирических фактов) мнимы. Значит, любая познавательная система принципиально равна любой другой. К примеру, средневековая алхимия ничуть не менее и не более «научна», чем ньютоновская или эйнштейновская физика. А, следовательно, в рамках плюралистической цивилизации (в которой

нет общеобязательных парадигм) могут параллельно существовать несколько научных сообществ, обладающих принципиально различными и не сводимыми к общему знаменателю методологиями и научными истинами (истинными каждая в рамках своего сообщества). Отсюда – реальность «академий парапсихологии» и «новых хронологий», которые чем дальше, тем более будут уравниваться в своем статусе с «академической» наукой. Если сейчас академическая наука еще сохраняет определенную монополию на «научность» и иерархический приоритет, а равно и определенность своих предметов и методов, то в будущем следует ожидать утраты этих преимуществ и превращения нынешней науки в одно из множества равноправных неформальных объединений. Иными словами, рождается принципиально новый тип «науки» как неформального сообщества, играющего по своим собственным совершенно условным правилам, точно такого же «клуба по интересам», какими стали политика и экономика.

В литературе одним из самых популярных жанров становится фэнтази – «мифологическая», подчеркнуто ненаучная фантастика, построенная как свободная игра образами и символами, максимально игровой жанр. Построенный на иллюзии обращения к реалиям традиционного, средневекового или варварского общества (мифология, уровень технологии, социальные реалии), на самом деле фэнтази в чисто постмодернистском духе переворачивает и искажает символы, разрывает цельность картины мира, эклектически перемешивает фрагменты разных эпох и культур, пародирует традиционные сюжеты. Фэнтази служит характерным примером стремления к выходу в виртуальную реальность, эскапизма. Если научная фантастика еще сохраняла определенную связь с реальностью, в художественной форме намечая перспективы прогресса (футурологическая функция) или акцентируя внимание общества на возможных угрозах (антиутопии), то фэнтази принципиально разрывает эту связь, становясь просто индустрией отвлечения, своего рода «опиумом для народа». При этом грань между фэнтази и «научной картиной мира» стирается. Как уже было отмечено, наука приобретает полностью неформальный плюралистический характер, а категория научной истины окончательно релятивизируется. Возникают «альтернативные концепции», такие как «новая хронология» Фоменко или исторические реконструкции Асова. Идет создание мифологической картины вымышленного прошлого, и в рамках этого процесса фэнтази историческая и фэнтази литературная сливаются в общий поток: «Велесова книга» и «Сильмариллион» представляют культурные феномены одного и того же плана.

В сфере религии наблюдается всплеск неоязычества (особенно в духе New Age). Впрочем, современное неоязычество не имеет практически ничего общего с язычеством традиционным. Неоязычество представляет собой игру в религиозном антураже, искаженную имитацию элементов обрядности при отсутствии религиозного чувства. Создатель очередного неоязыческого культа в ряде случаев открыто декларирует свое право придумывать таких богов, каким ему бы хотелось поклоняться. Такой тип антирелигиозного сознания ретроспективно распространяется и на традиционные религии, которые объявляются продуктом такой же свободной фантазии. При

этом сферы (псевдо)литературы, (псевдо)науки и (псевдо)религиозности не только смыкаются, но и сливаются, и квазирелигиозные «культы» на основе литературных произведений (книги Толкина, а тем более, Бажова) начинают претендовать на уравнение в статусе с традиционной религией. Впрочем, смешение и слияние сфер социального бытия, принципиально противоположное холизму традиционного общества и исходящее как раз из предельной фрагментации, диссоциации и растворения в общем хаосе, мы можем отметить буквально во всем [8].

Виртуализация сознания находит прямое отражение в формах социальной самоорганизации, что особенно ярко видно на примере молодежных субкультур, ибо сознание молодежи наиболее чутко отражает актуальные тенденции цивилизационного и культурного развития. Среди молодежи широко распространяются разнообразные формы культуры, связанные с эскапизмом – уходом и существованием в виртуальных вымышленных мирах – будь то «параллельные миры», «альтернативные реальности», мифологизированное и фальсифицированное воображаемое прошлое или столь же фантастические представления о культурах экзотических народов (японцев, индейцев и пр.). Таковы молодежные субкультуры толкинистов (почитателей английского писателя Толкина), ролевиков (любителей ролевых игр), «мироглядов» (путешественников по вымышленным мирам), индеанистов, движение исторической реконструкции и т.п. Впрочем, сюда же можно отнести контактеров, «бажовцев» (аналог толкинизма на отечественном литературном материале), неоязыческие общины и т.д.

Каждое из этих сообществ, взятое само по себе, представляется явлением маргинальным и скорее экзотическим на фоне общей массы, но их совокупность (а при всем различии во внешнем антураже суть цивилизационного явления одна и та же) охватывает значительные слои молодежи, в особенности творчески или социально активной. Причем, возникнув изначально как молодежные, эти движения постепенно становятся универсальными в плане возраста участников, вовлеченные в них в молодом возрасте люди остаются и по мере своего взросления. Если изначальный массовый контингент составляли школьники и студенты, то сейчас уже верхняя возрастная планка плавно сдвигается к 40 годам. Есть серьезные основания полагать, что именно такого рода социальные структуры предвосхищают если не всю форму бытия будущего социума, то, по крайней мере, образ жизни устойчиво существующих городских диаспор – своего рода микроэтнических структур.

Наконец, говоря о виртуализации, нельзя не затронуть вопрос о компьютеризации, причем сразу в нескольких различных аспектах. Во-первых, это сам факт появления Интернета – всемирной сети, целого виртуального пространства, дублирующего все основные сферы реального мира (которые, впрочем, как уже было показано, и сами все более виртуализуются): науку, политику, банки, рынок, библиотеки, базы данных, индустрию развлечений, систему коммуникаций и, наконец, среду неформального общения. В Интернете складываются целые постоянные сообщества виртуальных фантомов – ибо персонажи сетевого общения далеко не всегда отражают не только реальные характеристики (пол, возраст, образование и т.д.), но даже и взгляды и

мнения своих создателей. Нередко фантомная личина создается или шутки ради или вовсе в качестве провокации. Этот мир живет своей собственной жизнью, не только автономной от реальности, но и оказывающей на нее все возрастающее воздействие. Для многих, особенно молодых, людей виртуальный мир Интернета становится если не единственной, то, во всяком случае, главной средой коммуникации и социально значимого общения. Интернет становится орудием всеобщего доступа к средствам массовой информации, или, говоря точнее, массовой дезинформации.
Второй аспект компьютерной виртуализации связан с созданием и постоянным совершенствованием программ-симуляторов. Наиболее известны в этом плане компьютерные игры. Подключение не только зрительных и слуховых, но и тактильных ощущений создает уже практически полный эффект физического присутствия в генерируемой компьютером виртуальной реальности. Объединение такого рода симуляторов в локальные сети уже вплотную подходит к реализации технологий, показанных в культовом блокбастере «Матрица».
Однако дело не ограничивается только игровыми симуляторами. Программы, созданные для моделирования реальных процессов, начинают подчас подменять их. Не раз уже поднимался вопрос о том, что молодые исследователи, воспитанные в научном плане на моделях такого рода, начинают мыслить реальность категориями компьютерной модели.
Примеры виртуализации можно приводить бесконечно. Сказанного, впрочем, уже достаточно для того, чтобы сложилась общая картина явления и понимание виртуализации как общего принципа, объясняющего конкретные и частные проявления современной цивилизации во всех ее сферах.

Постистория

Как было показано выше, переход в стадию постиндустриального или информационного общества предотвратил тот коллапс, в который западноевропейская цивилизация уже входила. Преодоление этого кризиса предопределило финал холодной войны. Советский проект, сохранявший множество черт, присущих традиционному обществу, выдержать конкуренцию с вступившим в новую цивилизационную фазу западным миром не мог. На это наложились внутренние причины, прежде всего кризис идеократической системы, обусловленный неснимаемым противоречием между идеалистическим и эсхатологическим содержанием советского проекта и материалистическим каноном формальной идеологии, между православными корнями ее менталитета и систематическим уничтожением Православия. Противоречием между консервативно-общинной сущностью [9] институтов советского государства и его модернизаторской и прогрессистской политикой, разрушавшей мировоззренческую базу этих институтов [10]. На это наложился жесточайший кризис марксистской идеологии.
В рамках марксизма и исторического материализма конечная победа социализма над капитализмом выступала как историческая неизбежность, детерминанта. И ее осуществление было миссией промышленного пролетариата – наиболее обездоленной части рабочего

класса. Это основа революционной теории марксизма: капиталистическое общество само создает себе могильщика. Чем выше ступень развития капитализма, тем острее антагонизм между капиталистическим и рабочим классами. Развитие этого противоречия неизбежно приводит к смене социально-экономической формации. Капитализм – последняя из классово-антагонистических формаций. На смену ему, согласно марксистской теории, должна была, после промежуточного этапа социализма, прийти бесклассовая и, соответственно, безгосударственная формация, исключающая эксплуатацию. Должен был произойти качественный скачок от исторической детерминированности в состояние свободного развития. Причем осуществить этот скачок мог и должен был промышленный пролетариат. Классическая марксистская теория революции (несущая явные черты мессианской эсхатологии) немыслима без пролетариата. Пролетариат – это ключевой субъект всего исторического процесса, коллективный мессия марксизма.

Вступление западных капиталистических обществ в постиндустриальную фазу означало их переход к новой общественно-экономической формации, отличной от капитализма, что, кстати, так и не было осмыслено в рамках формационной концепции.

Как феодализм соответствовал уровню аграрной цивилизации («первой волне» в терминологии Тоффлера), как капитализм соответствовал цивилизации индустриальной, так новая формация (назовем ее для удобства виртуализмом) соответствует уровню информационной или постиндустриальной цивилизации («третьей волне» Тоффлера). Это новая формация вовсе не исключила социальное и имущественное неравенство и эксплуатацию человека человеком. Более того, она создала гораздо более изощренные формы порабощения. Но, тем не менее, виртуализм – это не есть уже капитализм.

Как известно, власть феодала основывалась на владении землей – основной ценностью в условиях аграрной цивилизации. Именно это монопольное обладание землей позволяло классу феодалов присваивать прибавочный продукт, создаваемый крестьянством. Точно так же класс капиталистов монопольно владел основной ценностью в условиях индустриальной цивилизации – заводами и фабриками. И на том же основании присваивал прибавочный продукт, создаваемый трудом рабочих. Предсказанный марксизмом скачок в новое качество не состоялся. На смену капитализму пришла новая формация – которую мы назвали виртуализмом – точно так же как и предыдущие основанная на неравенстве и эксплуатации. Основной ценностью в условиях информационной цивилизации становится информация и средства ее получения. Информация (прежде всего технологии: компьютерные, молекулярно-биологические, космические и др.) играет ровно ту же самую роль, какую играла земля при феодализме и индустрия при капитализме. Неравенство во владении этим ключевым ресурсом и создает возможность для новой эксплуатации человека человеком, для изъятия прибавочного продукта в условиях новой общественно-экономической формации.

Основной субъект марксистской концепции истории и марксистской теории революции, мессия марксистской эсхатологии – промышленный пролетариат – сошел с исторической сцены, не выполнив той исторической миссии, которую приписывал ему марксизм. Рабочий

класс перестал быть классом, он утратил свою классовую природу и классовую субъектность, превратился в общественную прослойку, отнюдь не пролетарскую по своему имущественному положению. Рабочий класс сошел со сцены истории точно так же, как в свое время сошел класс крестьянства. Хотя крестьян можно даже без особого труда найти и сейчас, но они стали очевидным реликтом ушедшей в прошлое общественно-экономической формации. Так же превращается в реликт и рабочий класс.

Постмарксистские теории о «новом пролетариате», под которым понимается либо совокупность колониальной периферии («бедный юг»), либо эксплуатируемые производители информации – очевидно беспомощны [11]. Беспомощны потому, что суть марксистской теории революции сводилась к идее концентрации пролетариата. Неминуемость пролетарской революции в рамках марксистской теории объяснялась именно тем, что сверхконцентрация пролетариата детерминирована самой логикой развития капитализма: от рассеянной мануфактуры – через фабричные производства – к промышленным супергигантам эпохи империализма. Напротив, нерабочий пролетариат, в том числе «пролетариат умственного труда» не только не сконцентрирован, но и не имеет ни малейшей тенденции к концентрации.

Итак, мессианская концепция, вокруг которой выстроен весь марксизм – неминуемость пролетарской революции и перехода к бесклассовому обществу – распалась. А значит, распался и марксизм как цельная мировоззренческая доктрина. Хотя многие его модели и не утратили актуальности, но теперь это только фрагменты, включенные в рамки и контекст иных теорий и концепций.

Крах марксизма и одновременный распад Советского Союза завершили этап борьбы и противостояния исторических альтернатив, в каких бы доктринальных формах эти альтернативы не рассматривались: как противостояние социализма и капитализма; труда и капитала; евразийства (Суши, телурократии) и атлантизма (Моря, талассократии); тоталитаризма и демократии; традиционного «закрытого» и модернистского «открытого» обществ и т.д. В каких бы координатах не рассматривалась история, альтернативность исчезла, одна из альтернативных версий утвердила свой универсализм [12].

Окончательность (реальная или мнимая) торжества попперовской утопии «открытого общества» дала основание Фукуяме сформулировать идею «конца истории». Концепция постистории развита Бодрийяром, указавшим на исчерпанность исторических возможностей. Все исторические потенции реализованы, и остается лишь имитировать осуществление уже осуществленного. Происходит вирусоподобное неконтролируемое клонирование, все ускоряющееся и ничем не ограниченное возрастание количества без перехода в качество, бесконечная интенсификация процесса при утрате его смысла и функции (т.к. смысл и функцию задает отношение части к целому, а разрушение цельности аннулирует понятие смысла). Объем накопленной информации, объем исторического наследия при отсутствии целей развития и генерализующей схемы, позволяющей каким-то образом преобразить, преобразовать и практически использовать это наследие, становится непосильным. «*Ничто ... не исчезает более, достигнув своего конца или смерти; исчезновение*

происходит из-за размножения, заражения, насыщения и прозрачности, изнурения и истребления, из-за эпидемии притворства, перехода во вторичное, притворное существование. Нет больше фатальной формы исчезновения, есть лишь частичный распад как форма рассеяния. Ничто более не отражается в своем истинном виде ни в зеркале, ни в пропасти, которая являет собой ни что иное, как раздвоение сознания к бесконечности. Логика вирусного рассеяния сетей уже не есть логика ценности или равноценности». «*Написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на электрическом стуле. Этой необычайной бесполезности присуща некая особая тошнота. Тошнота, испытываемая миром, который размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться. Все мемуары, все архивы, вся документация не в состоянии разродиться одной-единственной идеей; все эти планы, программы, решения не могут разрешиться каким-либо событием*» (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла») [13].

Отсюда и невозможность какого-либо нового слова или новой доктрины. Количество сказанного, услышанного, количество информации, размножающейся и распространяющейся по всем коммуникативным каналам таково, что все новое оказывается уже известным, уже усвоенным и вызывает в точности ту аверсивную реакцию, какую испытывает человек или любое животное к пище в состоянии предельного пресыщения. Цивилизация, как и отдельные ее представители, пресыщена информацией до предела, до полного физического отвращения к ней, до отторжения и отвращения к любым идеологиям, к любым лозунгам.

Уровень информационных «фоновых шумов» таков, что пробиться через них можно только за счет усиление громкости и яркости, но само это усиление доводит транслируемую идею до гротеска, до пародирования самой себя, и в итоге она лишь встраивается в общий фоновый шум, еще более повышая его уровень и всеобщее состояние разнузданного хаоса.

Все исторические возможности реализованы. «*Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний. Но что же нам все-таки делать? Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние, когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все что нам остается - тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова*» (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла»). Здесь и возникает необходимость в реальности-симуляторе,

создающей виртуальное пространство прошлых эпох как если бы они еще не были прожиты [14].
Невозможность новизны создает потребность и необходимость в симуляции и имитации собственной истории, и ее постисторическое воспроизведение приобретает характер лицедейства, карнавала, смешения элементов, атрибутов, символов, вырванных из разных, несводимых друг к другу культурных контекстов. Театральный эффект максимизируется доведением разыгрываемых ролей до состояния фарса, карикатурного утрирования, но действие остается полностью условным, не претендующим ни на что, кроме эпатажа, политкорректным и стерильным в отношении результата.

Декорированная пустота

Отсюда становятся понятны особенности постмодерна как стиля – не только в искусстве, но во всех сферах жизни от быта до экономики, от науки до политики. Это фрагментарность и клиповость, иррациональность и подчеркнутое отсутствие точности, последовательности и законченности. Это опрокидывание и растворение всех оппозиций, в первую очередь оппозиции объекта и субъекта. Это предельный релятивизм (логический, эстетический, этический), доведенный до исключения всякой точки и меры отсчета, особенно в отношении категории ценности. Это деструкция всякого канона, крушение структуры, рамок, метода, размывание всех категорий.
Полный релятивизм при отсутствии преобладающего стиля, какого-либо организующего принципа или начала, а, следовательно, максимальная фрагментация и эклектика – смешение без композиции. Отсутствие центра наиболее ярко выражается в постмодернистской архитектуре [15]. Элементы группируются вокруг пустоты, собственно говоря, постмодернизм – это и есть оформление пустоты.
Ключевое слово, определяющее постмодерн как стиль – деканонизация. Свобода в постмодерне понимается именно как свобода от заданных точек отсчета, от рамок любого канона – логического, стилистического, аксиологического, эстетического, этического.
Возьмем, к примеру, литературу и постараемся вычленить присущие постмодерну особенности. Во-первых, практически отсутствует сюжет. Как минимум он маловажен (сюжетная книга в рамках постмодернизма сразу оценивается как «низкий стиль»), как максимум – он отсутствует вообще и книга построена таким образом, что читать ее можно практически с любого места. Второе, что мы можем отметить – это множество аллюзий и смысловых отсылок. Постмодернистское произведение (не только литературное, но и архитектурное, кинематографическое и пр.) крайне несамостоятельно и практически полностью исчерпывается игрой (это еще одно ключевое слово в описании постмодерна, отметим его) уже известными читателю образами и символами, вырванными из самых различных культур – исторических эпох, религиозных традиций, идеологических концепций. Именно вырванными, а не почерпнутыми, так как автор (на самом деле автора в постмодернистском тексте нет: есть компилятор-оформитель) специально заботится о том, чтобы, поместив известные символы в

максимально чуждый им контекст, не только извратить их смысл, но опрокинуть на противоположный.
Все сакральное (а постмодерн особо любит обращаться к сакральному) должно быть непременно дискредитировано и осмеяно, все табуированное (кроме того, что табуируется самим постмодерном) – выставлено напоказ, все низменное – эстетизировано. Таков канон: в постмодернистском произведении все должно сравняться со всем, к примеру, не только аксиологическая, но даже смысловая разница между религиозной святыней и порнографией должна исчезнуть [16]. И это не просто кощунство ради кощунства, не художественное хулиганство. Это последовательная реализация плюралистической (демократической) парадигмы: каждый равен каждому, все взаимно обменивается на все [17]. Никакой сегрегации, никакого смыслового или тем паче ценностного неравенства. «Джоконда и тюбик клея» - на равных. Библия и «Хроники Амбера» - на одной полке. «Повесть временных лет» и «Новая хронология» Фоменко – как две равные альтернативные версии. Академия магии и колдовства на равных с Академией Наук. Или, как призывает постмодернистский идеолог Дугин, «*фигуры делирия пациентов* [должны] *утвердиться наряду с полотнами классиков*» [18].
Вторая существенная особенность – это этический релятивизм. Постмодернистское произведение просто по определению не может содержать идей разграниченности добра и зла. Зло эстетизируется и оказывается выражением свободы духа, добро на поверку выходит фарисейством и пошлостью, скрывающими таящееся злодейство. Но простой перевертыш – это еще примитив, в настоящем постмодернистском произведении потом делается еще несколько вывертов наизнанку, когда очерненное белое снова до известной степени обеляется. И общий вывод (хотя выводов постмодернистское произведение, разумеется, не делает принципиально) при большом желании можно было бы сформулировать так: разницы между добром и злом, между высоким и низменным, между красивым и безобразным, между истинным и ложным просто нет. Все зависит от той точки, с которой смотришь в данный момент – от угла зрения и сопутствующего контекста. То же относится и к критерию эстетическому. Постмодернистское произведение обязано быть дисгармоничным. Картина должна быть некрасивой, книга – скучной. Только такое произведение имеет шансы быть оцененным постмодернистской «элитой». Таков критерий свободы от эстетического канона (к примеру – живописная картина, изображающая разлагающийся труп лошади). Интересность и наличие сюжета в книге, красота картины, соблюденность пропорций, наличие сколько-нибудь ясного смысла – все это в постмодернизме окажется свидетельством примитивности и пошлости. Это и понятно: такого рода проявление авторства «тоталитаристски» навязывало бы читателю некий определенный взгляд, в то время как постмодернистское произведение строится как калейдоскоп, в котором каждый читатель или зритель находит свои ассоциации и свой смысл, зависящий исключительно от его собственных установок, желаний, кругозора и жизненного опыта. Собственного смысла в нем не заключено. (Почему героиню фильма «Матрица» зовут «Троица»? Потому, что это слово так богато смыслами, лежащими, конечно, вне фильма, что каждый найдет себе ответ сам.

Какой из этих ответов «правильный» - вопрос в рамках постмодернистского жанра бессмысленный). Это то же самое оформление внутренней пустоты, что и в архитектуре. Именно такая «свобода» от смысла и выступает залогом «свободы» читателя / зрителя понимать произведение так, как ему заблагорассудится, в зависимости только от потока собственных ассоциаций. Постмодернистское произведение иронично. Но это не ирония по поводу чего-то конкретного. Это не классический юмор или сатира, высмеивающая нечто с некой целью. Это ирония вообще, ирония в пространство, по поводу бессмысленности, пустоты и бессодержательности мироздания, отраженной в пустоте и бессмысленности произведения. Типичная ситуация для фэнтази (характерно постмодернистский жанр литературы!), когда сквозь искусственность стилизации под архаику (под средневековье, под варварство, под абстрактно-усредненный «восток», как их, разумеется, представляет автор) вдруг бросается (словно случайно) яркая деталь современного мира (от цитаты из армейского устава до терминов современной науки) – своей акцентированной неуместностью сразу привлекающая внимание [19]. Эта нелепость делается специально и сознательно (более того, именно в постоянном сбое восприятия такими неувязками и состоит сущность книги). Сознательная нелепость подается как «ирония» автора текста над... над всем, прежде всего над идеей принимать произведение (да и вообще что-либо) всерьез. Это еще один императив постмодерна: ничего нельзя принимать всерьез, ничто не серьезно, ничто не заслуживает доверия и уважения (а уж тем паче почитания). Более всего смешон тот, кто пытается чему-то верить, к чему-то относиться серьезно, в чем-то (а особенно в себе) искать точку опоры (ведь это «что-то» может, и по идее должно, оказаться непреходящим, не подверженным релятивизации, аксиологически неравным «всему остальному» - следовательно, тоталитарным). По сути мир в его постмодернистском изображении есть хаотический и иррациональный морок, в котором не может быть ничего истинного. К этому подспудно и склоняется читатель – жить «как во сне», не пытаясь ни в чем разобраться, отказаться от критического восприятия реальности, принять всеобщее безумие как норму [20].

Всякий знак в постмодернизме должен быть двусмысленным, неточным, «соскальзывающим» (одно из любимых словечек постмодернистов). Постмодерн стремится упразднить всякую смысловую определенность. Уместно в этой связи вспомнить знаменитую максиму Ролана Барта «*язык – это фашизм*». Определенность и заданность смысла языкового знака воспринимается здесь постмодернистским сознанием как «цензура», как ограничение «свободы» понимать под словами все что хочется. Выход из этого положения находится постмодернистами фактически в создании нового «скользящего» языка, игры словами, своего рода каламбура, положенного в основу всего языка. В результате меняется сам тип мышления: формальная логика на таком языке становится невозможна, язык лишается содержания, и, подобно постмодернистским литературным и архитектурным произведениям, становится лишь оформлением внутренней пустоты. Идея такой «революции текста», казавшаяся полвека назад почти невероятной, сейчас успешно воплощена в реальность. Слова-симулякры, не несущие заданного

смысла, но вызывающие за счет скользящих ассоциаций иллюзию осмысленности, надежно вошли в арсенал манипуляции сознанием. То, что казалось «новым левым» эффективным средством освобождения от тоталитарной репрессивности, стало эффективнейшим орудием репрессивности плюралистической.

Сноски:

1. – См. Тоффлер «Третья Волна».
2. – В этом плане примечательна косыгинская экономическая реформа 1965 года, дававшая приоритет стоимостным оценкам производства над натуральными (т.е. на место социалистического принципа производства для потребления был поставлен принцип капиталистический: производство для извлечения прибыли), и известный лозунг об «удовлетворении неуклонно возрастающих потребностей трудящихся». С этого момента СССР вступил в гонку с капиталистическим миром по правилам последнего, то есть по тем показателям, по которым капитализм был a priori эффективнее, и социалистическая система была заведомо обречена на поражение.
3. – Традиционно-архаическая, крестьянско-общинная природа советского строя прекрасно показана в книге С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация». Важно отметить, что сама советская цивилизация (в лице ее руководителей, идеологов, экономистов и других ученых) категорически не сознавала своей традиционалистской природы. В итоге глубоко ложное представление о собственной природе, неадекватность постановки задач и оценки возможностей были одной из существенных причин цивилизационного поражения.
4. – В таком виде дилемма сформулирована в моей статье «Нужен ли России Киотский договор?».
5. – Жан Бодрийяр «Прозрачность зла».
6. – Наиболее характерный пример – террористический акт 11 сентября 2001 года, срежессированный в полном соответствии со сценарием целого ряда однотипных фильмов-катастроф, вплоть до буквальных деталей разрушения башен-близнецов.
7. – «*Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным. Таким образом, идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется*» (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла»).

8. – «*Взаимное заражение всех категорий, замена одной сферы другой, смешение жанров... ... политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта - он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз - вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды*» «*Закон, который нам навязан, есть закон смешения жанров. Все сексуально, все политично, все эстетично. Все одновременно принимает политический смысл, особенно с 1968 года: и повседневная жизнь, и безумие, и язык, и средства массовой информации*» «*Каждая категория склонна к своей наибольшей степени обобщения, сразу теряя при этом всю свою специфику и растворяясь во всех других категориях. Когда политично все, ничто больше не политично, само это слово теряет смысл. ... Когда эстетично все, ничто более не является ни прекрасным, ни безобразным, даже искусство исчезает*». (Жан Бодрийяр «Прозрачность зла»)
9. – С.Г. Кара-Мурза «Советская цивилизация»
10. – В частности, массовый распад т.н. «большой», «расширенной» семьи, произошедший в связи с урбанизацией уже во второй половине 20 века, расселение коммуналок и целенаправленная политика эмансипации женщин (включая образование и государственную службу) – все это не могло не подорвать традиционного общинного сознания, лежавшего в основе советского цивилизационного проекта. Это противоречие берет свое начало от самой Октябрьской Революции – левой и демократической по форме и лозунгам и консервативно-антимодернизаторской, славянофильско-антикапиталистической по содержанию. Конфликт формы и содержания не мог не привести к кризису.
11. – Сергей Строев «Русский социализм – доктрина победы».
12. – «*почему история кончается. Почему — при всех наших грехах — Творец не даст шанса еще одному, незапятнанному поколению? Потом я увидел: история нужна, пока у человека есть свобода. Когда свобода последнего выбора отнимается — створки истории схлопываются. Движение невозможно*» (диакон Андрей Кураев «О нашем поражении»).
13. – Отметим, с какой поразительной точностью здесь оценка ультралевого философа-постмодерниста Бодрийяра, оценивающего актуальную реальность из самой глубины ее процесса, совпадает с оценкой крайне-правого мыслителя-традиционалиста Генона, оценивающего ту же реальность с позиции предельной от нее отстраненности.
14. – Великолепный художественный образ, иллюстрирующий эту идею – фильм «Матрица» братьев Вачовски, который в известной мере можно назвать экранизацией философии и культурологии Бодрийяра. Прекрасно иллюстрирована идея построения виртуальной реальности по матрице оставшегося в прошлом и исчерпавшего себя в собственном развитии мира. Агент Смит во второй части фильма служит метафорой бодрийяровской идеи о неконтролируемом клонировании и инфекционности освободившихся от собственного смысла фрагментов

реальности.
15. – Чарльз Дженкс «Die Postmoderne».
16. – «*Задача постмодернистской цивилизации в том, чтобы создать вокруг этого среднего человека такой мир, в котором он мог бы чувствовать себя самоуверенно и самодовольно. И потому все духовные вершины должны быть понижены, все пропасти выровнены, все сакральное - профанировано, все чудесное - банализировано, все существенное - спародировано. В любой святыне, в любом образе святости среднему человеку мерещатся репрессивные черты, и потому всякий идеал должен быть скомпрометирован, усреднен и подогнан по его стандартам. И напротив, более нет такой человеческой низости, которая не могла бы найти себе оправдания в новом сознании, и нет такого злодейства, которое не отыскало бы себе адвоката: все "подпольное" и темное должно быть реабилитировано, дабы средний человек мог навсегда избавиться от мук совести и томления духа*».
Олеся Николаева «Современная культура и Православие».
17. – «*уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление, такая цепная реакция делает невозможным какое-либо исчисление и оценку*» (Ж. Бодрийяр – «Прозрачность зла»)
18. – «*Шаман чукотского племени с его особым трехчленном миром духов и абсурдной для рационалиста логикой должен быть уравнен с Декартом и Кантом (это почти есть). Записанные бормотания студента холодных вод должны изучаться на кафедрах философии столичных университетов, фигуры делирия пациентов утвердиться наряду с полотнами классиков (это уже есть). Этот уравнительный момент, на самом деле, уже присутствует в современной культуре, особенно в пост-модерне. Это, кстати, не само собой вышло: на лицо результат стратегии массивной подрывной деятельности разнообразных антилиберальных и антибуржуазных (т.е. антисовременных) сил на самом Западе*» (А.Г. Дугин).
19. – В этом плане характерен, к примеру, «Ведьмак» Анджея Сапковского.
20. – См. напр. Клюев «Между двух стульев».

Сергей А. Строев

Участник Rambler's TOP 100

© Интернет против Телеэкрана, 2002-2004
Перепечатка материалов приветствуется со ссылкой на contr-tv.ru

E-mail: info@contrtv.ru